

В ПОИСКАХ ПОДХОДА К СЕМАНТИКЕ ЦИТАТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ

Рассмотрена проблема цитирования в англоязычном тексте. Установлено, что цитаты в англоязычном авторском тексте представляют интерес как элементы общей семантики письменного документа. Выяснено, что цитирование тесно связано с интертекстуальностью произведения, его изучение требует определения степени разработанности этой современной лингвистической проблемы. Отмечено, что цитирование в англоязычном тексте является явлением, окрашенным национально-культурной спецификой и ожидает исследования по таким авторским параметрам смысла, как авторский взгляд, голос, динамика и т. д.

Ключевые слова: авторский смысл, национально-культурная специфика, авторский взгляд, голос, интертекстуальность, лингвистические средства.

Миронова Т. Ю., Дніпропетровська державна фінансова академія. *У ПОШУКАХ ПІДХОДУ ДО СЕМАНТИКИ ЦИТАТ У АНГЛОМОВНОМУ АВТОРСЬКОМУ ТЕКСТІ*

Розглянуто проблему цитування в англomовному тексті. Наголошено, що цитати в англomовному авторському тексті слід розглядати як елементи загальної семантики письмового документу. З'ясовано, що цитування тісно пов'язане із інтертекстуальністю твору, його вивчення вимагає визначення стану опрацювання цієї сучасної лінгвістичної проблеми. Відзначено, що цитування в англomовному тексті слід розглядати як явище, що має національно-культурну специфіку та потребує аналізу за такими авторськими параметрами смислу, як авторський погляд, голос, динаміка тощо.

Ключові слова: авторський смисл, національно-культурна специфіка, авторський погляд, голос, динаміка, інтертекстуальність, лінгвальні засоби.

Myronova T. Y., Dnipropetrovs'k State Financial Academy. *THE SEMANTICS OF CITATIONS WITHIN THE CONTEXT OF AN ENGLISH TEXT: IN SEARCH OF AN APPROACH*

Citation in English texts is considered as an element of text structure that affects the general content. The paper introduces several initial ideas of which way the presence of words that cannot strictly belong to the writer of a text can be correctly integrated within the semantics of his/her complete writing. A few theoretical standpoints are argued. They are connected with the invariably unique writer's personality; historical impact of antiquity on the writing traditions in English that still live long in good current works; and also with hands-on new experience of meaningful interpretation of citations in ancient Greek and Roman texts. A caution is needed on the part of non-native researchers of English texts as to being justly impenetrable to their own different socio-cultural experience of writing when they consider elements of mature English writing. The former practices of citing in totalitarian environment proved to be destructive to authors' quality writing. Here opens an important socio-cultural difference between the writing experience in English-speaking countries and that in post-totalitarian realities. Along with this, Ukrainian linguists have become enthusiastic investigators into cross-textual content; thus citing appears in focus of their academic studies. The approaches are multilateral and various, though the cross-textual properties are still vague. The present article summarizes important knowledge that can show the light as to the link among a writer's personality, his/ her content, and the amount and manner of citing. The present article is the first in a series on this broad topic, the following publications being specific analysis of several English texts either with abundant or scarce citing.

Key words: integration into the author's semantics, cultural specifics, the author's point of view, voice dynamism, cross-textuality; the author's linguistic choices.

Рассмотрение на материале отдельных текстов соотношения в них авторских смыслов и содержания, восходящего к другим источникам, представляет для нас интерес в такой мере, в какой такие знания позволяют корректно судить о коммуникативных ресурсах конкретного автора в его обращении к читателям. Не вызывает сомнения, что каждый индивидуальный документ не может обходиться без определенной доли смыслов, которые вращаются как бы в общем употреблении среди современников, соотечественников и в целом людей, воспитанных в общей стихии определенного языка. Подобная сквозная текстовая семантика неоднородна как по связи с внетекстовой действительностью, так и по степени «стойкости», закреплённости хорошо знакомых или легкоузнаваемых понятий, стоящих за определенными языковыми единицами в рамках целого документа.

На данном этапе нашего исследования коммуникативной перспективы авторского текста мы обращаемся к самому протяженному, наиболее стабильному, личностно окрашенному виду несобственно-авторского содержания, которое в новосозданном документе предстает в виде цитат.

Рассмотрение функции отмеченного текстового явления в целостном документе и в соотношении с авторской индивидуальностью источника цитаты и личностью пользователя «чужого» смысла можно считать еще недостаточно раскрытой научной проблемой. Об этом можно судить по целому ряду современных публикаций, посвященных либо конкретизации общих представлений об интертекстуальности, либо узким вопросам отдельных национально-культурных концептов [1; 6; 9; 16; 21].

Поскольку данная статья предстает первой в цепочке наших публикаций в рамках затронутой темы, мы видим необходимость обосновать тот подход, который нам послужит теоретической основой в нескольких текстовых анализах. В последующих статьях в поле зрения предстанут особенности конкретных авторских работ, отмеченных разной мерой цитирования. По нашему замыслу такими материалами станут относительно завершённые фрагменты произведений тех авторов, с одной стороны, которые приводили много цитат, с другой – авторов, цитировавших с большой осторожностью и экономно.

Теперь, максимально сосредотачивая поиски на широком филологическом поле, следует уточнить, что мы обращаемся к англоязычным авторским текстам. При таком интересе к авторским работам обращают на себя внимание национально-культурные факторы, которые нам нужно учитывать. Кроме того, текстовый материал для последующей обработки отбирался таким образом, что содержит содержательные параллели, которые позволят некоторое сравнение результатов наблюдений за каждым из случаев. Все авторы, тексты которых мы анализировали, англоязычные, жили в XX в., почти все получили качественное университетское образование, общались с интересными людьми, стремились к познанию мира, раскрылись в относительно важный период развития в 16–20-летнем возрасте, и, наконец, все со временем заняли важные государственные посты.

Чтобы очертить теоретические границы подобного рассмотрения англоязычных текстов, мы совершим первый экскурс в направлении античного текстового наследия. Побуждением к этому можно считать мнение знатоков англоязычных традиций письма, которые в своем отечестве признают великое влияние древних греческих и римских произведений на становление качеств самостоятельно пишущего человека [23, с. 68]. Вторя их мысли, можно сказать больше: не только изысканность повествования в классических произведениях обостряли ожидания подобных высот в последующем выражении мыслей на английском языке, но и личности античных авторов, которые витали над своими строками, возносили индивидуальность их англоязычных последователей. Относительно

такого личностного эффекта следует добавить одно очень важное условие – для подобного перехода качеств необходимо в совершенстве знать древние языки, что считалось неизменным требованием как среди профессоров, так и студентов в старых британских элитарных учебных учреждениях, которые лидировали и продолжают быть первыми в предоставлении образцов качественного письма на их родном языке.

Опираясь на сведения от англоязычных текстовых аналитиков, добавим, что не только древние авторы подспудно звали британцев за собой к высотам текстового творчества через имплицитные личностные смыслы в своем содержании, но и читающая публика активно проявляла потребность в таком смысловом диалоге с индивидуальностью творца текста – и не только эллина или римлянина, но и своего соотечественника.

Элтону Оливеру, профессору из Ливерпуля, принадлежат слова о том, что в историческом плане английское сообщество довольно равнодушно относилось к определенному, всем известному текстовому образцу, типа литературных форм, но жадно искало при чтении личности отдельных писателей, чем коренным образом отличалось от французов, у которых происходило все наоборот. Если английские авторы, по какой-то причине испытывали дискомфорт проявления своей индивидуальности в английской прозе, то у них всегда в запасе оставалась прибежище латинского языка. Упомянутый английский профессор считает, что таким образом латинский язык становился воспитателем английского, однако письмо на этом древнем языке часто уводило за собой людей значительных личных качеств, в некоторой мере обездоливая английский [22, с. 627].

Совершенное знание античного классического наследия было обязательным не только для английских филологов, а считалось общепринятой основой университетского образования, делая замечательными авторами множество британцев, далеких от филологии. Античность «насыщала молодых людей качествами своих авторов», как это было сказано о британском государственном деятеле, авторе, открыто публиковавшемся исследователе античного творчества и переводчике ради собственного удовольствия из древних языков – Вильяме Юэрте Глэдстене (William Ewart Gladstone, 1809–1898), что в оригинале звучит следующим образом: «He was imbued with the substance of his authors» [23, p. 68].

Обращаясь к античным текстам в контексте нашего исследования, заметим, что там потребность пишущего в словах другого человека весьма нередкое явление. Таким приемом оформления содержания пользовались и Демосфен, и Цицерон. У них можно найти много примеров того, что на определенном этапе развития авторской мысли появляется голос дополнительного лица. Поскольку у этих античных авторов тексты неизменно использовались для устного выступления, то введение вспомогательного участника изложения содержания предполагалось делать ярким и заметным. У Демосфена цитаты приковывали к себе особое внимание, поскольку драматично прочитывались специально назначенным для этого человеком.

Цитаты у античных авторов могут быть пространными и предваряться интонационно и жестикоуляционно оформленными словами автора, как-то: «<...> в доказательство прочитай-ка <...> из того и другого все это будет вам ясно. Читай же» [7, с. 223] или «<...> Слышишь, что они говорят <...> Возьми-ка и прочитай самое обвинение» [Там же, с. 227], или еще «<...> Возьми-ка <...> и прочитай одно за другим. Из этого и станет ясно <...>» [Там же, с. 232]. Когда страсти накаляются, то автор в таком представлении иного текста становился резким и кратким, к примеру: «<...> Читай!» [Там же, с. 233]. Таким же образом в работе Демосфена обнаруживаются указания на 28 случаев поворота головы автора в сто-

рону представляющего цитаты [7, с. 210–303]. Подобной демонстративной торжественностью использование греческим автором слов другого лица не исчерпывается. После прочтения необходимого содержания его помощником он может вычленил из цитируемого текста определенный фрагмент, который на этот раз произносит сам, а иногда настоятельно неоднократно. Более того, автор укрепляет свое единодушие с исполнителем цитаты путем пересказа ее основной мысли.

Если мы обратимся к работам Цицерона, то цитаты из произведений других авторов ему не менее необходимы. Самое, пожалуй, элегантное их использование можно проследить в «Тускуланских беседах» [20]. Много кратких, но весомых по смыслу фрагментов, главным образом поэтических, находятся в третьей книге «Об ораторе» [19]. Еще чаще вызывает Цицерон к мнению известных мудрецов и мастеров слова в трактате «О дивинации». Произведение «О природе богов», наверное, более всех других содержит интересные нас текстовые явления, которые в определенных местах наплывают каскадами, что было, очевидно, обусловлено спецификой предмета.

Прямо сравнить упомянутые, интересные с точки зрения цитат, тексты Демосфена и Цицерона вряд ли возможно из-за того, что работы очень отличаются по своей текстовой природе друг от друга. Все же некоторое сопоставление достаточно корректно, если мы обратимся к тексту судебной речи Цицерона «В защиту Марка Целия Руфа» [20], изложенной автором после этого события. В названной работе используются десять прямых цитат, восемь намеков на всем известные исторические и драматические произведения и многочисленные лаконичные перифразы знакомого современникам писателя недавнего прошлого, а также фрагментов общественных речей и популярных изречений.

По содержательной основе речь Демосфена «О венке» [7] и речь Цицерона «В защиту Марка...» [20] роднит цель представить справедливое положение вещей. В структурно-содержательном плане интересующего нас использования мыслей другого автора они сравнимы одним прямым цитированием документа специально приглашенным для этого лицом и многочисленными перифразами.

Одновременный взгляд на эти два произведения убеждает, что в период античного авторства цитаты по смыслу глубоко интегрировались в текстовую ткань. У Демосфена это было четко структурированное, строго функциональное, информативное, ритмичное вкрапление, которое впоследствии при устном исполнении одухотворялось и драматично приобщалось к общему содержанию потенциалом вспомогательного чтеца через голос, жесты, телодвижения и подкреплялось, в случае особой важности, соответствующими возможностями автора. У Цицерона при некотором сохранении информативной функции возможности цитирования значительно расширяются, поскольку он видит в нем дополнительный канал гуманистического эмоционального смысла, который укрепляет собственно авторское содержание.

Примечательно, что у Цицерона появляется необычно длинная череда цитат в довольно-таки щепетильный для публики момент – когда приоткрываются личные тайные взаимоотношения знатного молодого человека и матроны высокого положения. Цицерон деликатно воздерживается много и открыто говорить на эту тему и передает свои мысли поэтическими цитатами. Такие ссылки его современники легко узнавали и более того досказывали сами себе, припоминая все непроизнесенное из древнего первоисточника: «О несчастный, о негодник!», или «Ну что сказать, чего мне пожелать? Ведь ты охоту мне отбил своею мерзостью!», или «И для чего связался ты с женой чужой, хищницей? Что ж разоряйся! Сам потом нужду еще почувствуешь. Мне дела нет: пока я жив, мне хватит своего добра» и, наконец, «... Двери выломал? Поправят! Платье изорвал, Починится!» [20, с. 159].

Так Цицерон цитатами передает читателям большие смыслы и сильнее возбуждает эмоции, нежели на то были способны его прямые слова.

У Цицерона еще отчетливее видно влияние цитаты на целый текст, если мы обратим внимание на особый прием, так называемую драматизацию выступления отсутствующего лица, строгость суждения которого всем известна. Таких случаев семь, и их можно прибавить к отмеченным выше другим видам цитат. Так, интересующий нас автор предлагает воображаемые цитаты с тем, чтобы лично отстраниться от смущающих слов, поскольку, как говорит Цицерон: «<...>не в моих обычаях враждовать с женщинами, тем более с той, что всегда слыла скорее всеобщей подругой, нежели чьим-то недругом» [20, с. 157]. Все же автор умело нагнетает осуждение от имени сурового родственника той дамы, чье поведение способно оскорбить публику. Репутация Слепого Аппия дает Цицерону свободу выражения, поскольку его современникам было известно, что названный патриций слов о прегрешениях не смягчал: «Что тебе в Целии, женщина, в недоростке, в чужом мужчине? Зачем такая у вас близость, что дала ему золото, и отчего такая вражда, что страшишься яда?<...>». Такой прием у Цицерона повторяется несколько раз с разным содержанием.

Описанными путями, конечно в дополнение к другим средствам, авторские параметры в рассматриваемом тексте приобретают максимальное наполнение: авторский **взгляд** получает широту охвата и прямоту рассмотрения; авторский **голос** звучит и открыто, и иронично, задевая имплицитные смыслы; **тон** модулирует от громоподобных раскатов до задушевности; при этом авторский **динамизм** разворачивается в бурный натиск, все же авторский **вкус** Цицерона не позволяет обрушиваться потоком крепких слов, а элегантно вибрирует в тончайших выражениях мысли. Надо полагать, когда подобное содержание устно произносилось самим автором, который хорошо знал и виртуозно использовал мелодичные, завораживающие перепады долгих и кратких гласных латыни, впечатление было ошеломляющим.

Мы обратились к двум античным авторам как к основоположникам многих текстовых явлений, которые выдержали испытание временем. Античную колыбель текстового творчества можно считать общим авторитетным началом как для нашей отечественной (в русско-, украиноязычном отношении к цитированию в целостном тексте мы не смогли обнаружить национально-культурную разницу), так и англоязычной традиции письменного творчества. У античных авторов цитаты неизменно работали в общем потоке авторского смысла и гармонировали с индивидуальным содержанием.

Российскими лингвистами авторитет античности, можно сказать, также признавался, если не считать 1846-й год, когда в имперской России была поставлена под подозрение свобода мысли древних римлян-республиканцев и их произведения были удалены из образования [3]. Но это печальное для Цицерона и его русских почитателей время не отвергло древнюю риторику в целом: политические события, произошедшие в XX в., «вернули» ее.

Под влиянием идеологических тенденций в образовании, прессе и книгоиздании наступает период переосмысления роли цитат в авторской работе: ими явно злоупотребляли. То свидетельство, которым мы располагаем, связано с цитатами в устных выступлениях, но обхождение с подобным материалом в письменных текстах той поры легко узнаваемо. Ср.: «Иногда, кажется, что цитирование не требует особого умения. Однако и в этом есть свои особенности, свои положительные и отрицательные стороны, которые необходимо учитывать. Например, некоторые свою речь строят на одних цитатах. Такие выступления вызывают недоумение, т.е. слушатели хотят знать мнение самого оратора, результаты его на-

блюдений. Кроме того, обилие цитат утомляет аудиторию, поскольку на слух трудно бывает уловить, что из сказанного принадлежит автору, а что тем, кого он цитирует. Поэтому, прежде всего, необходимо из выбранных для выступления цитат отобрать наиболее интересные, содержательные, оригинальные или наименее известные» [5, с. 157].

Как видно из предложенного фрагмента, отечественный, или, вернее, исторически родственный, русскоязычный знаток построения текста не заботится о гармоничности вхождения цитируемого фрагмента в преобладающее авторское содержание, поскольку такого содержания вовсе не видно в излагаемых рекомендациях. Подобное пренебрежение индивидуальными смыслами обуславливалось тем, что цитирование, главным образом, не рассматривалось как смысловое участие внешнего содержания в общей семантике нового текста. Цитаты тоталитарной поры не могли быть «чужими», «заимствованными» или «внешними» смыслами. Они вообще не назывались смыслами, а представляли законами! Цитаты мыслились как явления, соотносимые не столько со свойствами текста, сколько с социально-политическими ориентирами.

Цитаты из руководящих политических документов превратились в традиционные, ритуальные* зачины и концовки любых письменных документов. Эти обязательные элементы построения текстов социалистической поры играли роль пропуска для дальнейшего функционирования письменных работ, которые их вмещали. Такие «клятвы верности» иногда доходили до комизма. К примеру, можно открыть сборник профессиональных технологий национальной и международной кухни 1977 г. и найти следующее содержание: «В «Основных направлениях развития<...>», далее «Последовательное претворение в жизнь Программы мира<...>», кроме этого «Как отмечалось в докладе <...> на съезде <...>» и наконец, «Успехи <...> социалистического строительства <...>» [17]. Другим примером мог быть неизменный подбор школьниками цитат из художественных произведений по критериям идейности, народности и т. д.

Еще у одного – не такого давнего – специалиста по русскоязычным текстам, профессионально обращающегося с цитатами, их видение предстает предельно социально детерминированным. Ср.: «Своеобразным видом фактического материала <...> являются цитаты – части текста, выписанные из другой книги или статьи без всяких изменений. Трудно назвать такой вид литературы, в котором не использовались бы цитаты. Широко применяли цитаты в своей литературной работе, в частности, и классики марксизма-ленинизма <...>. Они (цитаты – Т. М.) были необходимы в борьбе с идейными противниками... необходимо приведение целого ряда длинных цитат... обойтись без них совершенно невозможно... читатели должны иметь под рукой все важнейшие заявления <...> Классики марксизма-ленинизма очень часто прибегали также к цитированию произведений, в которых содержатся ошибочные высказывания, – с целью их опровержения и разоблачения <...> К сознательному искажению мыслей противника прибегали буржуазные политики, писатели, публицисты <...> Преднамеренное искажение высказываний <...> использовали и используют враги рабочего класса... Прямую фальсификацию <...> допускает буржуазная печать Запада <...>» [13, с. 231–233].

Предложенный материал подает цитирование как недавнее историческое поле социальных битв и вместе с тем как оружие в таких сражениях. Допустим,

* Термин «ритуальное общение» ранее употреблялся в теории речевой коммуникации Е. Ф. Тарасова в значении формального употребления слов, утративших свой первоначальный смысл, но используемых ради вежливости, установления контакта. Здесь мы говорим о ритуальном цитировании как о церемониальной демонстрации верности политическому режиму [15, с. 5–147].

что к ритуальному цитированию (см. ранее – *Т. М.*) как пропуску текстов к опубликованию многие писавшие в ту пору относились как к чистой формальности. Согласимся, что теперь, по ненадобности заверений в политической лояльности через ссылки на идеологию, пишущие отбросили подобную практику. Однако только по причине такого отказа отечественному аналитику, обращающемуся к англоязычным текстам, не так легко поставить себя вровень с коллегами-носителями языка в полном видении данного структурно-содержательного текстового элемента, введенного в иноязычный текст с иной национально-культурной позиции.

Теперь мы приблизились к тому моменту в осмыслении текста как коммуникативной единицы, который заметно – исторически – отличает англоязычных авторов от наших соотечественников [24]. Подобные несовпадения побуждают исследователей англоязычных документов осторожно обходиться с цитирования в них как с текстовым явлением, отмеченным национально-культурной спецификой. Англоязычная письменная культура никогда не сталкивалась с так называемым ритуальным цитированием и сопутствующими ему обстоятельствами. В целом в англоязычной среде не считалось возможным деформировать авторскую текстовую ткань из-за опасений перед внешними силами. В данном случае мы не имеем в виду неизменные гуманистические критерии – они внутренние мерки – но под внешними факторами, влияющими на пишущего человека, понимаем заинтересованное политическое давление. Если подобное все же как-то случалось, то легко распознавалось, а соответствующий продукт считался некачественным произведением, ущербным содержанием, не представляющим ценности для человечества. Точно также с трудом можно представить англоязычного автора, который, не отрекаясь от пера, пишет и боится действительности. Одним из примеров того, как англоязычные писатели, случалось, открыто перед всей страной противостояли подобному положению автора, могут служить статьи-письма Элвина Брукса Вайта, «самого ясного ума во всей Америке» (*The Wall Street Journal*) [25, с. 545–546].

Обращаясь к современной отечественной филологии, следует отметить, что широкому интересу к свойствам текста сопутствует обостренное внимание исследователей к интертекстуальности, к которой, вровень с другими ее видами, относится важное для данной работы цитирование. Диапазон изучения этого явления достаточно широкий, а для того, чтобы его очертить по некоторым приметам, сошлемся на следующих коллег-соотечественников.

Так, предлагается считать, что «интертекстуальность – это «склеивание» из строк известных и малоизвестных высказываний полотна новых ассоциаций, создание новых картин в воображении читателя, там, где нелегко заметить грань между цитатой и текстовой тканью, между старым и новосозданным» [16, с. 367]. Многие также обсуждают мнение Р. Барта, который описал текст, игнорируя авторскую личность как новую ткань, сотканную из старых цитат. Абстрагируясь от индивидуальных смыслов творца письменного документа, он далеко не гуманистически характеризует материю письменного слова как некое абсорбирующее вещество. Так, якобы фрагменты культурных кодов, формул, ритмичных структур, отрывки социальных идиом и тому подобное поглощаются текстом и смешиваются в нем в виду того, что и до текста, и вокруг него всегда существует язык [2, с. 367]. Д. Кузьменко определяет два плана интертекстуальности: авторский и читательский, которые взаимно связаны общекультурной памятью [10, с. 94]. В словаре С. И. Кормилова при трактовке интересующего нас явления также на первое место ставится не автор, а читательское восприятие. При этом интертекстуальность определяется как механизм «метатекстовой рефлексии», при

которой весь мир отождествляется с одним общим текстом, так называемым интертекстом [14].

Отечественные публикации приводят размышления исследователей над недостаточно раскрытыми сторонами затронутого нами текстового явления, являющегося также стихией цитат. В частности, М. Р. Ткачивская пишет, что, с ее точки зрения, интертекстуальность не всегда становится спланированным инструментом достижения авторского замысла [16]. Она не соглашается с предположением Д. Кузьменко о том, что, изучая биографию писателя, следует проследить те тексты, которые повлияли на его мировоззрение, а впоследствии, сознательно или нет, проникли в его творчество [10, с. 348].

Все эти попытки интересны и есть свидетельства усилий доискиваться природы текста, но они упираются в существенную преграду на своем пути, воздвигнутую либо безлично-абстрактным, либо неупорядоченным толкованием текстового материала. Многие работы в рамках интертекстуальности не проводят четкой грани между цитированием – дополнительным каналом в общем потоке авторского смысла и цитированием – отдаленной семантической связью между работами разных авторов разных времен и мест.

На общем фоне впечатляет книга В. Коптилова, который однозначно подразделяет пять типов взаимодействия текстовых смыслов, относя то, что интересует нас в этой статье, к первому из них, а именно к «собственно интертекстуальности(и) как присутствию(ю) в одном тексте других текстов в виде цитат, аллюзий и т. д.» [9, с. 53]. Узнав волнующую нас проблему во взглядах опытного филолога, мы должны отметить, что при солидарности с взглядами В. Коптилова мы уходим в несколько иную сферу. Мы намерены заглянуть в авторский текст с той стороны, изучать которую упомянутый ученый и переводчик не ставил своей задачей.

Специфика нашего научного поиска в области англоязычных авторских текстов заключается в том, что мы используем набор смысловых категорий, который помогает различать индивидуальную семантику текста. Таким образом, продолжая исследовать коммуникативную перспективу индивидуального текста по семи авторским параметрам [24], мы предполагаем обогатить свою работу пониманием цитируемых фрагментов, если таковые имеются в тексте, в связи с общей авторской семантикой.

Такое изучение представляется вполне возможным, поскольку законченный цельный индивидуальный текст не вмещает никакой доли содержания, на которую бы не реагировали другие смысловые составляющие. Следовательно, если авторский документ содержит цитаты, то они неизменно работают на какой-то определенный или определенные параметры смысла, что может у разных авторов заметно отличаться. Такими семантическими измерениями, как это можно судить по десятку наших предшествующих публикаций, мы считаем авторский взгляд, голос, тон, дикцию, динамику, позицию и вкус [11; 12].

Далее, изучая опыт В. Коптилова, мы солидарны с его искренним пониманием текстовой природы, в особенности тогда, когда исследователь признает, что «интертекстуальность представляет собой понятие не менее важное, чем **структура текста**. Эти два понятия дополняют друг друга, охватывая как внутренние, так и внешние связи художественного произведения. Недостатком понятия интертекстуальность можно считать **недостаточную четкость, расплывчатость**, которая возникает именно тогда, когда мы покидаем **теоретические вершины и приступаем к практическому его использованию** (выделено нами. – Т. М.)» [9, с. 54].

Мнение В. Коптилова нам особенно ценно, поскольку оно значительно поддерживает наш собственный опыт текстового анализа. Представляется, что

имеющиеся у нас наработки изучения англоязычных авторских текстов, уже описанные в ряде публикаций, есть небольшой возможностью преодолеть упомянутую исследователем абстрактность рассмотрения интертекстуальности, которая у нас при этом приобретает несколько другое видение.

Мы не изучаем это явление в отрыве от реального текста, отвернувшись от автора как человека, вглядываясь в творческие дали других пишущих, тексты которых были использованы и составили случаи интертекстуальности. Мы намерены вместе с конкретным англоязычным автором пройти по всем смысловым вехам в его отдельном тексте, проникнуться его потребностью в использовании языка с определенными смыслами, который, в свою очередь, становится осязаемой материальной опорой для принятия решений об авторской работе. Только вместе с полным видением авторской текстовой семантики и конкретных языковых механизмов ее воплощения мы предполагаем вынести суждение о функции случаев цитирования как дополнительных, а не отдельно взятых, как у многих исследователей, каналов авторского смысла.

Для нас особенно важно, что В. Коптилов призывает к предельно внимательному отношению к иноязычному тексту и поднимает вопрос о культурном компоненте цитируемого материала. Хотя его выводы и пожелания устремлены к практическим переводчикам, мы ценим его однозначную формулировку этой проблемы, поскольку она нас глубоко волнует и занимает одно из ключевых положений в нашем исследовании.

Представляется, что в общих чертах нам удалось наметить пять основных теоретических вех, ориентируясь на которые станем в дальнейшем осуществлять конкретный анализ англоязычных текстов. Кратко их можно сформулировать следующим образом:

1. Уважение и наблюдение античного влияния на англоязычные традиции качественного письма.

2. Вера в возможность зрелого классического использования цитат, не ниже их эффекта, чем в древних текстах, когда смысл и оформление цитируемого материала гармонично вливается в целостный текст, подчиняясь авторским смыслам.

3. Осторожность подхода к англоязычным цитатам в целостном тексте, исключая вероятное их восприятие с позиции иной культуры.

4. Использование смысловых параметров индивидуальной авторской семантики конкретного документа для выяснения степени гармоничности вхождения цитируемого материала в авторские смыслы.

5. Обоснование решений о смысловых параметрах отдельного авторского текста, содержащего цитаты, при сопутствующем наблюдением за конкретными языковыми формами в самих цитатах и на других участках взятого документа.

Немного опережая последующие публикации на затронутую тему, сообщим, что изучение манеры цитирования в англоязычном тексте, обогащенное анализом авторской семантики избранного документа, обещает много интересных сведений об индивидуальности самого создателя текста и особенностях его письма. Многие выводы о случаях рассмотренного цитирования материально подкрепляются данными о языковых формах, использованных англоязычным автором, а также тех, которые оформили цитату.

Библиографические ссылки

1. **Андрейко Л. В.** Гра з цитатою як проблема перекладу / Л. В. Андрейко // Наук. зап. Нац. ун-ту «Остроз. Акад.». Сер. «Філол.». – Вип. 36. – 2013. – С. 289–293.
2. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр. – М., 1989. – 615 с.

3. **Брокгауз Ф. А.** Энциклопедический словарь : в 86 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1892. – Т. 8 (15). – – 285 с.
4. **Бублейник Л. В.** Стилистика интертекстуализации в поэзии Б. Ахмадулиной / Л. В. Бублейник // Наук. зап. Нац. ун-ту «Остроз. акад.». Сер. «Філол.». – Вип. 36. – 2013. – С. 103–105.
5. **Введенская Л. А.** Культура и искусство речи / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 576 с.
6. **Грек Л. В.** Интертекстуальність як проблема перекладу (на матеріалі перекладів української постмодерністської прози) : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.16 «Перекладознавство» / Лариса Володимирівна Грек. – К., 2006. – 208 с.
7. **Демосфен.** Речи / Демосфен; пер. с греч. проф. С. И. Радцига. – Москва : Изд-во АН СССР, 1954. – 608 с.
8. **Іванченко Р. Г.** Літературне редагування / Р. Г. Іванченко. – К. : РВВ Книжков. палати УРСР, 1970. – 365 с.
9. **Коптилов В.** Теорія і практика перекладу : навч. посіб. / В. Коптилов. – К., 2002. – 280 с.
10. **Кузьменко Д.** Сучасні підходи до тлумачення поняття «інтертекстуальності» / Д. Кузьменко // Літературознав. студії. – Вип. 21, ч. 1. – К., 2008. – С. 347–351.
11. **Миронова Т. Ю.** Спостереження за коливаннями семантики тривалої дії в англomовному авторському тексті / Т. Ю. Миронова // Наук. зап. КДПУ ім. В. Винниченка. Сер. «Філол. науки (мовознавство)». – Вип. 117. – 2013. – С. 232–240.
12. **Миронова Т. Ю.** Поиски места иронии в параметрах смысла англоязычного авторского текста (Опыт когнитивно-семантического анализа английского рассказа Дж. Оруэлла «The Hotel Kitchens») / Т. Ю. Миронова // Филология и культурология : совр. пробл. и перспективы развития : сб. мат. 2-й междунар. науч.-практ. конф., 28 февр. 2013 г. – М., 2013. – С. 28–34.
13. **Сикорский Н. М.** Теория и практика редактирования / Н. М. Сикорский. – М. : Высш. шк., 1971. – 267 с.
14. **Современный словарь-справочник по литературе** / сост. и науч. ред. С. И. Кормилов. – М. : Олимп ; ООО «Изд-во АСТ», 2000. – 704 с.
15. **Тарасов Е. Ф.** К построению теории речевой коммуникации / Е. Ф. Тарасов // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М., 1979. – С. 5–147.
16. **Ткачівська М. Р.** Інтертекстуальність та цитати доби тоталітарного режиму в німецькомовних перекладах творів Ю. Андруховича / М. Р. Ткачівська // Наук. зап. Нац. ун-ту «Остроз. акад.». Сер. «Філол.». – Вип. 36. – 2013. – С. 367–369.
17. **Титюник А. И.** Советская национальная и зарубежная кухня : учеб. пособие / А. И. Титюник, Ю. М. Новоженев. – М. : Высш. шк., 1977. – 383 с.
18. **Феллер М. Д.** Структура произведения / М. Д. Феллер. – М. : Книга, 1981. – 272 с.
19. **Цицерон.** Три трактата об ораторском искусстве / Цицерон. – М., 1972. – 471 с.
20. **Цицерон.** Избранные сочинения / Цицерон. – М. : Худ. лит., 1975. – 454 с.
21. **Шаповалова К. В.** Інтертекстуальність у словесній культурі постмодерну (на матеріалі поетичного дискурсу) : дис. ... канд. наук : спец. 10.02.02 «Рос. мова» / Катерина Володимирівна Шаповалова. – Х., 2008. – 200 с.
22. **Elton Oliver.** III. Elizabethan Times / Oliver Elton, M. A., Professor of English Literature of Liverpool. Author of 'The Augustan Ages' etc // English literature. The Encyclopedia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information / 11-th edition in 29 volumes. – Vol. IX. – N. Y., 1910–1911. – P. 607–645.
23. **Russell Erskine George William.** Gladstone W. E. / Hon. Russell Erskine George William, Under-Secretary of State for the Home Department, M.P. Author of Life of W.E.Gladstone // The Encyclopedia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information. 11-th edition in 29 volumes. – Vol. XII. – N. Y., 1910–1911. – P. 66–72.
24. **Trimmer J. F.** Writing with a Purpose / J. F. Trimmer and J. M. McCrimmon. – Boston : Houghton Miffling Company, 1988. – 524 p.

25. **White E. B.** Letters to the New York Herald Tribune / Elvyn Brooks White // Reading and Writing Process by Day S. and others. – N. Y., 1989. – P. 545–547.

Надійшла до редколегії 12.03.14